

РОД ЛИХАЧЕВЫХ

Согласно архивным данным (РГИА. Фонд 1343. Оп. 39. Дело 2777) основатель петербуржского рода Лихачевых — Лихачев Павел Петрович — из «детей купеческих Солигаличских» был принят в 1794 г. во вторую гильдию купцов Санкт-Петербурга. Приехал он в Петербург, конечно, раньше и был достаточно богат, ибо вскоре приобрел большой участок на Невском проспекте, где открыл мастерскую золотошвейного дела на два станка и магазин — прямо против Большого Гостиного двора. В Коммерческом указателе города Санкт-Петербурга на 1831 г. указан номер дома 52, очевидно, ошибочно. Дом № 52 был за Садовой улицей, а прямо против Гостиного двора находился дом № 42. Правильно указан номер дома в «Списке фабрикантам и заводчикам Российской империи» (1832. Ч. II. СПб., 1833. С. 666—667). Там же приводится и список изделий: всех сортов форменные офицерские вещи серебряные и апплике, позументы, бахромы, парчи, канитель, газ, кисти и пр. Указано три прядильных станка. На известной панораме Невского проспекта В. С. Садовникова изображен магазин с вывеской «Лихачевъ» (такие вывески с указанием одной только фамилии были приняты для самых известных магазинов). В шести

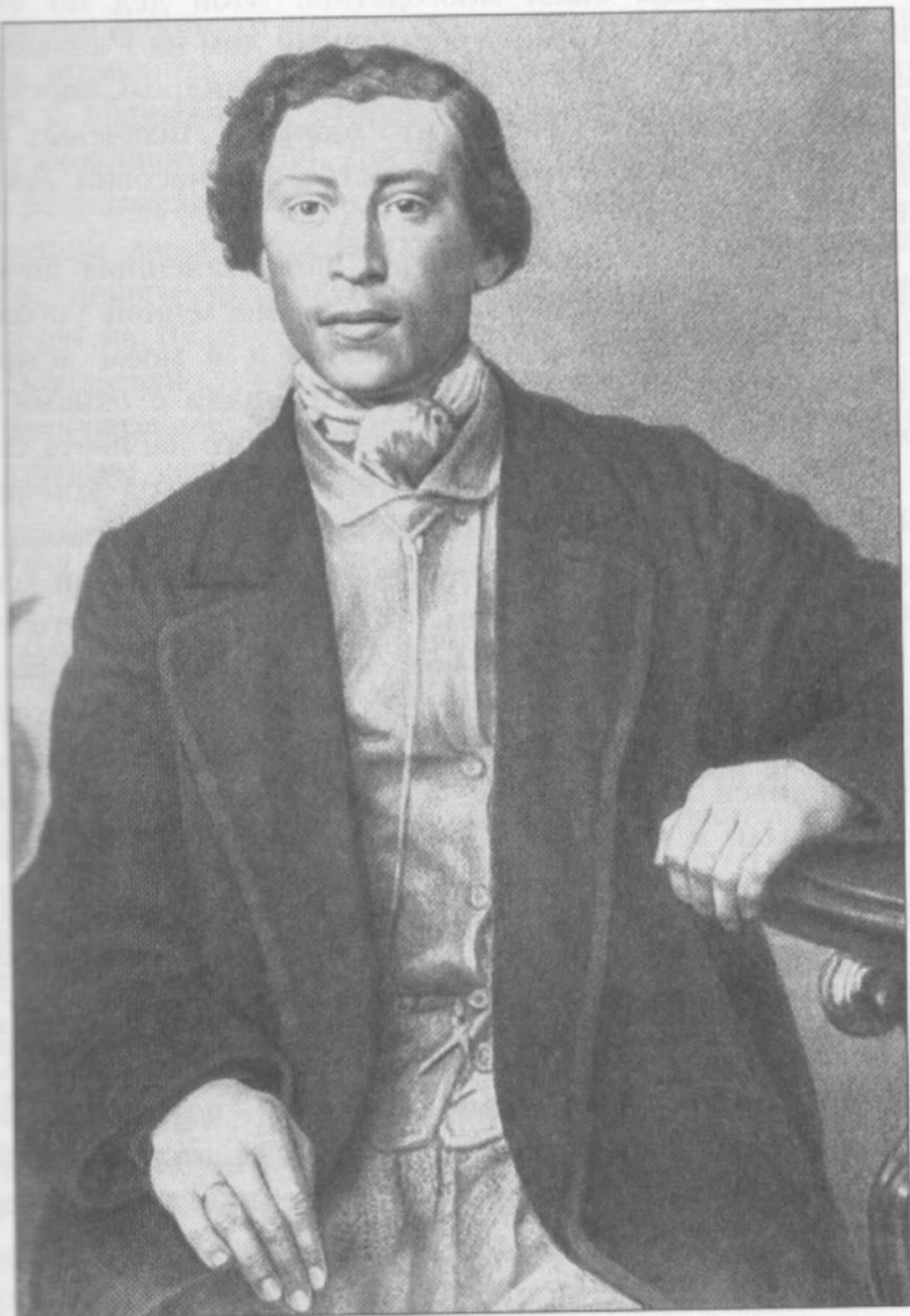
окнах по фасаду выставлены скрещенные сабли и различного рода золотошвейные и позументные изделия. По другим документам известно, что золотошвейные мастерские Лихачева находились тут же во дворе.

Сейчас номер дома 42 соответствует старому, принадлежавшему Лихачеву, но на этом месте выстроен новый дом архитектором Л. Бенуа.

Как явствует из «Петербургского некрополя» В. И. Ситова (СПб., 1912–1913. Т. II. С. 676–677), приехавший из Солигалича Павел Петрович Лихачев родился 15 января 1764 г., похоронен на Волковом православном кладбище в 1841 г.

Семидесяти лет Павел Петрович и его семья получили звание потомственных почетных граждан Санкт-Петербурга. Звание потомственных почетных граждан было установлено манифестом 1832 г. императором Николаем I с целью укрепить сословие купцов и ремесленников. Хотя звание это и было «потомственным», право на него мои предки подтверждали в каждое новое царствование получением ордена Станислава и соответствующей грамотой. «Станислав» был единственным орденом, который могли получить недворяне. Такие грамоты на «Станислава» были выданы моим предкам Александром II и Александром III. В последней грамоте, выданной моему деду Михаилу Михайловичу, указаны все его дети, и в числе их мой отец Сергей. Но отцу уже не пришлось подтверждать своего права на почетное гражданство у Николая II, так как благодаря своему высшему образованию, чину и орденам (среди которых были Владимир и Анна — не помню, каких степеней) он вышел из купеческого сословия и принадлежал к «личному дворянству», т. е. отец стал дворянином, впрочем, без права передавать свое дворянство детям.

Потомственное почетное гражданство мой прапрадед Павел Петрович получил не только тем, что был на виду в петербургском купечестве, но и постоянной благотворительной деятельностью. В частности, в 1829 г. Павел Петрович пожертвовал три тысячи пехотных офицерских сабель Второй армии, сражавшейся в Болгарии. Об этом пожертвовании я слышал еще в детстве, но в семье счита-

Один из предков Д. С. Лихачева

лось, что сабли были пожертвованы в 1812 г. во время войны с Наполеоном.

Все Лихачевы были многодетны. Мой дед по отцу Михаил Михайлович имел собственный дом на Разъезжей улице (№ 24) рядом с подворьем Александро-Свирского монастыря, чем объясняется, что один из Лихачевых пожертвовал крупную сумму на построение часовни Александра Свирского в Петербурге.

Михаил Михайлович Лихачев, потомственный почетный гражданин Петербурга и член Ремесленной управы, был старостой Владимирского собора и в моем детстве уже жил в доме на Владимирской площади с окнами на собор. На тот же собор смотрел из углового кабинета своей последней квартиры Достоевский. Но в год кончины Достоевского Михаил Михайлович не был еще церковным старостой. Старостой был будущий тестя его — Иван Степанович Семенов. Дело в том, что первая жена моего деда и мать моего отца Прасковья Алексеевна умерла, когда отцу было лет пять, и похоронена на дорогом Новодевичьем кладбище, где не удалось похоронить Достоевского. Отец родился в 1876 году. Михаил Михайлович (или, как его звали у нас в семье, Михал Михалыч) вторично женился на дочери церковного старосты Ивана Степановича Семенова — Александре Ивановне. Иван Степанович принимал участие в похоронах Достоевского. Отпевали его священники из Владимирского собора, и делалось все необходимое для домашнего отпевания. Сохранился один документ, любопытный для нас — потомков Михаила Михайловича Лихачева. Документ этот приводит Игорь Волгин в рукописи книги «Последний год Достоевского».

И. Волгин пишет:

«Анна Григорьевна желала похоронить мужа по первому разряду. И все же похороны обошлись ей сравнительно недорого: большинство церковных треб совершилось безвозмездно. Более того: часть истраченной суммы была возвращена Анне Григорьевне, в чем удостоверяет весьма выразительный документ:

„Честь имею препроводить к Вам деньги 25 рубл. серебром, сегодня предоставленных мне за покров и подсвечники каким-то неизвестным мне гробовщиком, и при этом объяснить следующее: 29 числа утром лучший покров и подсвечники отправлены были из церкви в квартиру покойного Ф. М. Достоевского по распоряжению моему безвозмездно. Между тем неизвестный гробовщик, не живущий даже в пределах Владимирского прихода, взял с Вас деньги за церковные принадлежности самовольно, не имея на то ни права, ни резона, да и сколько он взял их, неизвестно. А потому как деньги взяты самовольно, я препровождаю Вам обратно и прошу принять уверения в глубоком уважении к памяти покойного.

*Церковный староста Владимирской церкви
Иван Степанов Семенов^{“1”}.*

Дед мой по отцу, Михаил Михайлович Лихачев, не был в точном смысле купцом (звание «потомственного и почетного» давалось обычно купцам), а состоял в Петербургской Ремесленной управе. Был он главой артели. Но в моем детстве артель деда была уже не златошвейной.

И действительно дела золотошвейных мастерских Лихачевых пошли плохо уже при Александре III, упростившем и удешевившем форму русской армии. В архиве Зимнего дворца сохранилось прошение моего прадеда о пособии с положительными отзывами. Прошение это само по себе любопытно:

«Прошение потомственного почетного гражданина С.Пб. I гильдии купца Михаила Лихачева о выдаче ссуды 30 000 рублей для поддержания торговли парчами, галунами и золотошвейными товарами». Отзыв министра императорского двора — «ввиду почти столетнего существования фирмы и той пользы, которую деятельность деда, отца и сына принесла золотошвейному парчевому делу в России,— Воронцов-Дашков находит справедливым оказать поддержку. Из представленных Лихачевым документов усматривается, что торговля парчами, галунами и золото-

¹ См. в бумагах А. Г. Достоевской папку, озаглавленную «Материалы, относящиеся к погребению» (ГБЛ, ф. 33, ш. 5.12, л. 22).

*Михаил Михайлович Лихачев.
Конец 1870-х гг (слева) и конец XIX в. (справа)*

швейными изделиями производилась торговым домом Лихачева с 1794 г., представители дома неоднократно удостаивались высочайших наград и похвальных отзывов со стороны выставочных комиссий и заказчиков за доброизвестность и изящество представленных изделий. Отцу просителя, почетному гражданину Ивану Лихачеву, в 1859 г. разрешено именоваться с сыновьями фабрикантами золотошвейных и золототканых изделий Императорского двора и иметь над местом торговли и на изделиях государственный герб. Таким образом, заслуги фирмы довольно значительны и продолжение деятельности ее было бы весьма желательно» (ЦГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 35. 1882 г. Л. 462).

Однако на документе стоит надпись: «Деньги даны не были».

Вот почему дед перешел на полотерное дело. В справочниках «Весь Петербург» за два последних перед рево-

люцией десятилетия дед значился уже с указанием специальности «полотерное дело». В детстве я помню, что к квартире деда примыкало общежитие полотеров с окнами на двор. Дед строго следил за поведением своих рабочих, тем более, что артель отвечала за каждую пропавшую, разбитую или просто испорченную вещь, где натирались полы. Помню, что артель натирала полы в Адмиралтействе и других дворцовых помещениях. Набирались мастеровые из хороших, крепких крестьянских семей. Дед следил: умел ли рабочий есть за столом с крестьянской опрятностью и умел ли по-крестьянски резать хлеб. По этим признакам дед, говорят, безошибочно определял моральные качества своих людей.

Дед, как я уже сказал, был старостой Владимирского собора и летом отдыхал на даче в Графской (теперь Песочной) рядом с церковью, где часто выступал с проповедями знаменитый тогдашний проповедник священник Философ Орнатский.

Первая жена Михаила Михайловича Лихачева Прасковья Алексеевна умерла от чахотки, оставив ему четырех детей: Анатолия, Гавриила, Екатерину, Сергея. От Прасковьи Алексеевны остались фотография в группе ее родных и большой портрет в черной овальной раме, сделанный итальянским карандашом по фотографии. На портрете отец мой ребенком лет трех сидит в юбочке (как тогда полагалось одеваться маленьким мальчикам) на руках у матери. Долго сохранялся у нас кусочек ее шотландского платка. Шерсть в нем была так тепла, что кусок этот употреблялся в нашей семье только в лечебных целях. Пропал этот кусок после смерти моей матери, у которой он хранился. Сохранилась еще маленькая записочка с перечислением имен ее детей; может быть, для поминания в церкви? Это было все, что осталось от Прасковьи Алексеевны. Большинство людей умирает, оставив по себе не больше, но дети — главное!

Вторым браком Михаил Михайлович был женат на Александре Ивановне — дочери старосты Владимирского собора Семенова, обязанности которого дед после смерти Семенова принял на себя. О Семенове я уже писал выше.

В 1904 г. Михаил Михайлович Лихачев переехал из собственного дома на Разъезжей в большую квартиру в новом доме напротив Владимирской церкви, в которой состоял старостой. В этом доме мы всей семьёй посещали его в Михайлов день, когда он приглашал к себе духовенство Владимирской церкви, служил молебен и угощал обедом, а также на Рождество и на Пасху.

Характер у деда был тяжелый. Не любил, чтобы женщины в семье сидели без дела. Сам он выходил только к обеду из своего огромного кабинета, где в последние годы лежал на диване, приставленном к письменному столу. В моей памяти запечатлелась картина: Михаил Михайлович лежит на диване одетый. Ночные туфли стоят рядом. Борода расчесана на две половины, как у Александра II (важным лицам в XIX в. полагалось носить бороду и усы как у государя). Со своего дивана он достает из ящика письменного стола золотые десятирублевики и дарит их нам, когда мы перед уходом заходим к нему в кабинет попрощаться. Над ним на потолке длинная трещина, и я всегда, заходя к нему, боялся, что потолок когда-нибудь свалится на него.

В последний раз (это было во время войны в 1916-м или 1917 г.) он не подарил мне золотой, а я, привыкший к его подаркам, не уходил из его кабинета: думал, что вспомнит. В конце концов дедушка сказал мне: «Ну, что же стоишь...» — и назвал меня как-то ласково «внучек». Я говорю ему: «А монетка?» Дедушка застеснялся, заулыбался и протянул мне золотой пятирублевик вместо обычного десятирублевика: видно, дела дедушки еще более пошатнулись.

Я так много говорю о семье моего отца, что она до сих пор в какой-то мере остается для меня загадкой. Мой прапрадед Павел Петрович Лихачев «из детей купеческих Солигалича» был человеком грамотным, но не более. Почерк его на оставшихся документах очень похож на допетровскую скоропись. Профессионально он был, вероятно, очень практически осведомлен. Не случайно, думается, в Петербурге он оказывается одним из самых богатых ремесленников.

Его потомок Михаил Михайлович Лихачев многое от него усвоил, но и продвинулся далее в своем общественном положении. Его грудь покрывали ордена, медали и значки различных благотворительных обществ. О тяжелом характере деда часто говорили в нашей семье, и я до самого последнего времени представлял себе семью деда неблагополучной, задавленной дедовским деспотизмом. По поводу всякого проявления семейного деспотизма моим отцом мать моя часто с осуждением называла его «Михал Михалыч». А между тем мы были окружены подарками деда: половая лампа с ониксовым, очень дорогим, столиком, зеленый ковер с подсолнухами для большой гостиной, каминный экран с подсолнухами, прекрасный бронзовый письменный прибор у отца, четверо золотых карманных часов для отца и его трех сыновей. И мало ли еще что. Не забывал дед и о такой мелочи, как предпочтение, отдававшееся моей матерью зеленому цвету,— все в его подарках, что могло иметь цвет, было зеленым. Все это было знаками внимания моего деда, внешне очень суворого, к нашей семье.

ДЕТИ М. М. ЛИХАЧЕВА

Женат Михал Михалыч, как я уже сказал, был дважды. Первая жена Прасковья Алексеевна, моя бабушка, умерла от чахотки (тогда не говорили «туберкулез»), косившей в Петербурге тысячи людей, главным образом, в молодом возрасте. Чахоточные умирали весной. Она умерла первого или второго марта. Отец всегда боялся этих чисел марта и действительно умер во время блокады первого марта (мы зарегистрировали его тогда как умершего второго марта). Мы с отцом всегда ездили потом на могилу бабушки на Новодевичьем кладбище — самом дорогом в тогдашнем Петербурге. Отец мальчиком посадил на ее могиле березку, и ко времени, когда я с ним стал посещать могилу, береза стала старой и разрушала корнями раковину могилы.